

[Говорят, в молодости дядя-наставник совершенствовал совсем другое намерение меча. Однажды он рассеял всю культивацию и начал заново. А после того, как при повторном совершенствовании сформировал мечевого младенца, стал даосским спутником главы секты...]

[А? Дядя-наставник и глава секты – даосские спутники?]

Гу Цзыцзю в секте Меча был словно неуловимый призрак. Ли Биньчэн привёл его сюда двести лет назад, но за всё это время он провёл в секте меньше двадцати лет. Как бы усердно остальные ученики ни совершенствовались, даже они порой отдыхали и беседовали с соучениками обо всём на свете. Гу Цзыцзю же... разговаривал только с младшим соучеником, причём обычно говорил сам и никогда не расспрашивал о делах секты Меча.

[Да.]

[А у нашего наставника есть даосский спутник?]

[Нет.]

[...А у тебя есть даосский спутник?]

[Старший брат... Нам обоим в этом году исполнилось двести лет, и со мной ты провёл больше времени, чем кто-либо другой. Если бы у меня был даосский спутник... разве ты мог бы об этом не знать?]

[Тоже верно.]

Гу Цзыцзю больше ничего не спросил. На площадку вышел очередной соученик, чтобы исполнить танец с мечом, и он сосредоточился на представлении. Все они были мечниками, а людей, способных похвастаться особым искусством вроде Дуань Шаобо, встречалось совсем немного. Вот всем и оставалось танцевать с мечами...

Однако среди присутствующих, помимо Ни Сяоцзиня, находились ещё двое достопочтенных меча, а большинство из нескольких десятков остальных были предками меча. Даже такие практики золотого ядра, как Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо, принадлежали к лучшим из лучших. Каждый танец с мечом обладал собственной красотой – то утончённой и чарующей, то величественной и могучей, – а во многих заключалось ещё и истинное постижение, весьма полезное для личного совершенствования.

Увидев столь внушительное собрание, сюда начали слетаться на волшебных сокровищах и представители других сект. Даже если они не были мечниками, все пути в конечном счёте вели к единому истоку, поэтому и им зрелище могло принести пользу.

– Собрат Ни, как же обойтись без доброго вина, когда здесь столько славных мечей?!

С небес опустилась огромная винная тыква. Возглавлял прибывших краснолицый крепыш, который одним своим видом походил на мечника куда больше, чем Ни Сяоцзинь.

Он обменялся с Ни Сяоцзином приветствиями, а сопровождавшие его совершенствующиеся спустились и расселись среди мечников.

– Но если есть доброе вино, как же обойтись без добрых закусок?

На сей раз прибыл старик, восседавший на огромной шумовке.

Один за другим сюда стекались всё новые совершенствующиеся. Теперь своё искусство показывали уже не только мечники: одни пели, другие танцевали, третьи создавали заклинаниями диковинные зрелища на потеху собравшимся.

Наконец вперёд вышел совершенствующийся с флейтой сяо. Облачённый в синие одежды и повязавший голову квадратным платком, он выглядел как обычный учёный из мира смертных. Чистые, протяжные звуки белой сяо затронули токи духовной энергии. Ци заколыхалась и породила видения парящих орлов и малых птиц, бескрайнего лесного моря...

Музыка и вправду была прекрасна, но куда сильнее Гу Цзыцзю обеспокоило другое: Дуань Шаобо заслушался!

Когда мелодия завершилась, Дуань Шаобо долго рукоплескал, не скупясь на похвалы:

– Воистину бессмертная музыка! Уже ради неё одной стоило проделать этот путь!

Дуань Шаобо любил музыку, хотя порой даже казался слегка одержимым ею. За сто пятьдесят с лишним лет совместных странствий Гу Цзыцзю прекрасно это усвоил. Вот только все мастера музыкального искусства, встречавшиеся им прежде, были смертными.

Человеческая жизнь коротка. Молодым не доставало отточенного мастерства и глубокого понимания; у пожилых и понимание было достаточно глубоким, и опыт имелся богатый, но с возрастом тело деревенело, и многие приёмы становились им недоступны. Когда Дуань Шаобо только начал постигать музыку, ему ещё требовалось учиться у таких мастеров, однако вскоре перенимать у них стало нечего. Ныне он впервые встретил искусного музыканта среди совершенствующихся.

Сердце Гу Цзыцзю внезапно забилось быстрее. Но это было не волнение, а... чувство опасности?

Как... необычно.

Он ни разу не испытывал подобного за все годы своего существования – не только за двести лет, проведённых в этом мире, но и за всё время с того самого мгновения, когда в нём зародилось сознание.

Чувство опасности означало страх утраты. Так неужели теперь он боялся потерять младшего соученика?

Пока Гу Цзыцзю пребывал в смятении, системный помощник не удержался и тоже влез в разговор.

[Эм-м... Хозяин, а ведь младший соученик тогда не договорил. Уж не хотел ли он сказать: «Если бы у меня и был даосский спутник, то это был бы старший брат»?]

Системный помощник и любил, и жалел младшего соученика, попавшегося на глаза этому прирождённому подонку Гу Цзыцзю. Неважно, действительно ли тот ничего не замечал или намеренно закрывал глаза, – напоминать ему об этом не следовало.

Однако в основные настройки Системы входило правило: обнаружив перемену в чувствах окружающих к хозяину, он обязан предупредить его. Это требовалось как ради безопасности хозяина, так и для того, чтобы тот мог успешнее спасать миры.

Впрочем, Системный помощник не был из тех помощников, что способны охватывать множество заданий и непрерывно следить за изменениями в чувствах всех персонажей. Он не мог издавать предупреждающий сигнал по любому поводу. Но Дуань Шаобо провёл рядом с Гу Цзыцзю столько времени, что не заметить его чувств было попросту невозможно.

Едва системный помощник договорил, Гу Цзыцзю уже взмыл в воздух. Собиравшаяся выступить с танцем совершенствующаяся тут же вернулась на своё место.

Неужели Гу Цзыцзю и сам не понимал того, о чём сказал системный помощник?

Но он ведь обещал не прикасаться к Дуань Шаобо.

А раз он не собирался к нему прикасаться, то не имел права удерживать его рядом и запрещать искать кого-то другого.

Гу Цзыцзю взмахнул рукой. Безбрежная ци меча раскрылась в небесах, словно павлиний хвост. На вид ослепительно прекрасная и безобидная, она в одно мгновение рассекла небосвод надвое!

Одна половина погрузилась во мрак, будто залитая тушью, а другую затопило бесчисленными сияющими переливами, подобными полярному сиянию.

Гу Цзыцзю шагнул вперёд и сжал ладонь. Разлившееся на половину неба сияние мгновенно собралось в его руке, превратившись в трёхфутовый меч ослепительной красоты. Сжимая клинок, Гу Цзыцзю ворвался в тёмную половину небес.

Остриё пронзило чернильные тучи.

Грохнул гром!

Тучи за клубились и превратились в свирепого зверя, похожего на тигра, но с львиной гривой и орлиными крыльями. Чудовище расправило крылья, и небосвод окончательно затопила чернота. Лишь одинокий луч меча снова и снова прорывался сквозь грозные облака.

– Что происходит? Это ведь уже не представление? – испуганно воскликнул даосский совершенствующийся золотого ядра. Танец с мечом внезапно превратился в битву с чудовищем.

– Нет. Он достиг просветления и вызвал небесно-земное знамение. Не отвлекайтесь, такая возможность выпадает крайне редко, – пояснил кто-то сведущий.

– Всегда говорили, что мечники наделены исключительной способностью к постижению. Сегодня я наконец убедился в этом собственными глазами.

– И верно. Только что я наблюдал столько выступлений и тоже кое-что понял, но до просветления на месте мне далеко.

– Должно быть, прежде он уже накопил достаточно прозрений?

– Но устроить подобное в секте Бурных Волн... Не слишком ли это?..

– Разве это не к лучшему? Можно считать это ещё одним подарком главе секты ко дню рождения.

Трудно было понять, прозвучало ли искреннее поздравление или язвительная насмешка. Как бы то ни было, отвечать никто не стал.

Впрочем, небесно-земное знамение становилось всё неистовее. Гром сотрясал высь, молнии извивались змеями, и даже духовная энергия пришла в смятение.

- Плохо дело! Он вызвал реакцию великого защитного массива секты Бурных Волн! Неужели они хотят...

Говоривший сам осёкся.

После такого переполоха секта Бурных Волн никак не могла оставаться в неведении. Главным предназначением горного массива была защита. Если бы небесно-земное знамение вызвал ученик секты Бурных Волн, чья духовная лампа была зажжена при помощи именной нефритовой таблички, массив не стал бы ему препятствовать. Напротив, он пришёл бы в движение вместе с потоками энергии, помогая и оберегая ученика секты.

Но Гу Цзыцзю не принадлежал к секте Бурных Волн. Вызванные им изменения лишь насторожили великий защитный массив. Пока тот только давил на Гу Цзыцзю своей мощью и не прервал его постижения Пути – исключительно благодаря нестигаемой воле самого Гу Цзыцзю. Однако стоило обеим сторонам продвинуться ещё на шаг – небесно-земному знамению усилиться, а защитному массиву нанести ответный удар, – и этот наделённый исключительным дарованием мечник, скорее всего, погиб бы здесь.

Ни Сяоцзинь взмахнул рукавом и поднялся. В его руке возник длинный меч. Он устремил взгляд к небесам, и исходящая от него мощь начала неуклонно нарастать.

Все представители секты Меча тоже встали за своим дядей-наставником. Их сила слилась воедино, превратившись в исполинский меч, который устремился прямо...

В последний миг клинок изогнулся, обогнул Гу Цзыцзю и вонзился в небосвод.

Самые робкие поспешили увести своих учеников. Среди оставшихся одни хмурились, другие откровенно злорадствовали, третьи сохраняли невозмутимость. Каждый вынашивал собственные мысли.

Внезапно по окрестностям разошлась едва различимая глазом рябь. Давление великого защитного массива секты Бурных Волн резко ослабло.

Ни Сяоцзинь потрянул рукавом. Исполинский меч рассыпался бесчисленными звёздными искрами, и он сложил руки в приветствии:

- Благодарю, собрат.

Говорил он негромко, однако его голос прозвучал в ушах каждого.

Передача голоса прямо в уши была простейшим заклинанием, но следовало учитывать, кто именно здесь собрался. Если речь не шла о близком человеке, открывшемся навстречу без всякой защиты, совершенствующийся мог передать голос лишь тому, кто уступал ему в культивации. Ни Сяоцзинь находился на чужой территории и только что противостоял великому защитному массиву, однако с лёгкостью отвёл силу, словно ничего не произошло, а затем без малейшего усилия передал свои слова всем присутствующим...

Все понимали, что это благодарность, но...

Разве она не была больше похожа на демонстрацию силы?

Совершенствующиеся переглянулись, однако никто не осмелился вмешаться. Зато многие втайне вздыхали: пусть среди мечников и не было бессмертных меча, но неужели достопочтенный меча мог обладать такой чудовищной мощью?

Впрочем, что там достопочтенный меча – достаточно было взглянуть на того, кто сражался в небесах.

Он находился всего лишь на великом завершении ступени мастера меча, но в одиночку выдерживал давление горного защитного массива. Ни один обычный практик золотого ядра на такое не был способен: его давно раздавило бы до кровавой рвоты, а у кого-то и вовсе треснуло бы золотое ядро. Гу Цзыцзю же одновременно противостоял небесно-земному знамени и словно не замечал массива.

А ведь все твердили, будто мечники обычно обделены талантом к совершенствованию!

Откуда только брались такие чудовища?

Прекрасная встреча обернулась тем, что каждый теперь затаил собственные мысли, а под внешним спокойствием вздымались невидимые волны. Между тем виновник всего переполоха,

Гу Цзыцзю, лишь хотел привлечь внимание своего младшего соученика.

Он не разбирался в музыке. Да, станцевать с мечом он тоже мог, но это было лишь подражанием чужому мастерству.

В чём он сейчас превосходил остальных?

Пожалуй, только в способности ощущать Небесное Дао.

На первый взгляд казалось, будто свирепого зверя породил он сам, но в действительности чудовище возникло из свирепой ци, скопившейся здесь, в секте Бурных Волн. Сюй Яньбо скрыл правду. Секта Бурных Волн тоже скрыла правду. Она возвысилась, ступая по костям бесчисленных мечников, потерпевших неудачу при вознесении. За внешним процветанием таилась опасность. Огромная секта не обладала ни крупницей уравновешенной и мирной ауры обители бессмертных – её насквозь пропитывала свирепая ци.

Для автора всё это было лишь частью сюжета, но в этом мире причины уже давно породили свои следствия.

Гу Цзыцзю не собирался совершать лишнюю работу и очищать секту Бурных Волн от свирепой ци. Да и полностью очистить её он всё равно не смог бы. Однако эта сила была полной противоположностью мечу, который совершенствовал Дуань Шаобо. После сегодняшней битвы его постижение непременно окажется глубже, чем у остальных.

Исполинский зверь взревел и обрушил тигриную лапу.

Одним ударом он сбил Гу Цзыцзю с небес.

Ни Сяоцзинь немедленно взмыл навстречу. Подхватив Гу Цзыцзю, он одновременно зажал вторую лапу чудовища.

Зверь издал яростный рёв – и с грохотом рассеялся.



- Достопочтенный меч Румян заменил Меч Нефритового Звона и уничтожил зверя, рождённого откликом Неба и Земли?

- Какое ещё «заменял»? Меч Нефритового Звона явно потерпел неудачу в прорыве, и потому зверь рассеялся сам.

- Какая жалость...

<http://bllate.org/book/19889/1985374>